

УДК 160.1

О ПОНЯТИИ КВАЛИА В КОНТЕКСТЕ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

А.Ю. Моисеева

В статье осуществлен поиск такого способа эпистемологической редукции понятия квалиа, который был бы лишен недостатков традиционных физикалистских и функционалистских схем. Показаны преимущества подхода к данной проблеме с точки зрения эволюционной эпистемологии, позволяющего трактовать квалиа как представление знания об экологической среде для системы с конкретной формой физической организации.

Ключевые слова: квалиа, эпистемология, редукция, субъективное знание, эволюция

Понятие феноменальных свойств, или квалиа [1], вызывало острые дискуссии с момента своего появления в философии и до настоящего времени. С одной стороны, различие между объективным явлением и его субъективным переживанием фиксируется даже в наивном мышлении, а в философии, всегда стремящейся к построению наиболее фундаментальной и обоснованной системы понятий, оно определяет буквально все. От того, как конкретная философская доктрина трактует отношения между объективной реальностью и реальностью субъективной [2], напрямую зависит то, как она определяет понятия, служащие основными ориентирами в человеческой деятельности, такие как «благо» или «свобода». В этом ряду стоит и понятие «знание», вызывающее специальный интерес у самих философов, а также у деятелей науки. Но если для науки важнее описать процессы формализации, трансформации и аккумуляции знания, то для философии приоритетной задачей является концептуализация акта первичного познания (распознания) субъектом явлений объективной реальности. Именно этой задачей оправдывается то необыкновенное упорство, с которым философы сохраняют в обращении и пытаются теоретически обосновать такие туманные, подозрительно метафизические и вдобавок несущие глубокий отпечаток субъективизма понятия, как «квалиа», «феноменальный опыт» или «интроспекция».

С другой стороны, имеющееся у большинства наивно-дуалистическое представление о том, что в результате взаимодействия некоторых объектов реальности изменяются не только физические свойства этих объектов, но и некие дополнительные их свойства, непосредственно наблюдаемые только из субъективной перспективы, в контексте современной научной картины мира кажется весьма сомнительным. Ничуть не менее правдоподобно, например, предположение, что квалиа можно наблюдать объективно, только мы пока не знаем, как это сделать. Данное предположение допускает возможность редукции феноменальных свойств к свойствам других типов, хотя для такой редукции, если она осуществима, может потребоваться система психологических понятий, гораздо более совершенная, чем все известные до сих пор.

Еще легче предположить, что и сам субъект в действительности не может судить ни о каких существенных свойствах переживаемого им опыта. Не единожды в истории философии неразрешимые проблемы возникали из-за того, что общим понятиям, сформированным на сугубо лингвистических основаниях, приписывалось значение онтологической категории, а это провоцировало заведомо бесплодные попытки определить ее в терминах свойств реально существующих объектов (классический пример – платоновское представление о Благе). В качестве проверки можно попытаться описать известный нам мир вообще без упоминания его феноменальных свойств. Если это удастся сделать без потери познавательного содержания, тогда все, что выдается за интроспективное знание, сводится к языковой игре, настолько вошедшей в привычку, что люди играют в нее даже с самими собой.

Существует несколько линий аргументации, подводимой под выбор одного из перечисленных подходов к проблеме квалиа. В настоящей статье прослеживается та линия, которая лучше всего проясняет смысл понятия «квалиа» как познавательной категории. В рамках данной линии формулируется проблема перехода от объективного знания к субъективному, рассматривается эпистемологическое значение классического аргумента против редукции феноменальных свойств (так называемого аргумента знания), а также проводится оценка наиболее убедительной из попыток преодолеть этот аргумент, а именно функционалистской. Обосновывается недостаточность функциональных определений для осуществления полноценной редукции понятия «квалиа» и намечается альтернативный способ определения, совмещающий элементы физикалистского и функционалистского подходов.

Аргумент знания и объяснительный разрыв

Дискуссия о философском статусе феноменальных свойств идет вокруг нескольких основных аргументов, самым обсуждаемым из которых является, пожалуй, аргумент знания. Этот аргумент представлен Ф. Джексоном в виде мысленного эксперимента, широко известного под названием «Комната Мэри» [3]. Классические условия эксперимента таковы: Мэри – ученый, изучающий цвета, и она настолько преуспела, что знает все физические факты о цвете и его переживании другими людьми начиная с поведения, которое конкретный цвет может вызвать у человека, и вплоть до последовательностей нейрофизических событий, регистрируемых при восприятии цвета. Однако, согласно идее эксперимента, Мэри с самого рождения была заключена в комнате, окрашенной только в черно-белые цвета, и могла наблюдать внешний мир только через черно-белый монитор. Следует ожидать, полагает Джексон, что когда Мэри позволит покинуть комнату, она неизбежно узнает что-то новое о красном цвете, впервые увидев его, прежде всего, то, *каково это* [4] – видеть красный цвет.

По замыслу Ф. Джексона, аргумент знания направлен против монистической физикалистской онтологии, однако его онтологическое значение небесспорно [5]. При этом данный аргумент хорошо демонстрирует отсутствие логического перехода между субъективным знанием и знанием объективным, означающее именно эпистемологическую неполноту физикализма. На нее указывали и другие авторы [6]. Дж. Левин, впервые четко сформулировавший эту проблему, дал ей удачное название «объяснительный разрыв» (*explanatory gap*) [7], под которым она чаще всего фигурирует в философских текстах.

В посвященной квалиа статье Стэнфордской энциклопедии философии проблема объяснительного разрыва описывается так: «Наше знание того, каково это вообще – переживать феноменальные состояния, приобретается путем интроспекции. Мы также имеем представление (по общему признанию, неполное) о том, что в действительности происходит с мозгом и телом. Но между первым и вторым знанием, по видимому, существует, непреодолимая пропасть. ...Поскольку неважно, как глубоко мы изучим физическую структуру нейронов и химические взаимодействия, происходящие при возбуждении нейронов, насколько объективную информацию мы приобретем; у нас по-прежнему останется нечто, что мы не можем объяснить, а именно то, почему и каким образом некоторые объективные физические события, чем бы они ни были, соз-

дают конкретное субъективное переживание, или вообще какие-нибудь субъективные переживания» [8]. Наша неспособность понять природу и сущность субъективного знания означает, что логические отношения между суждениями «от первого лица» и «от третьего лица» можно установить в данный момент лишь посредством того особого «узаконенного» волонтаризма, без которого не обходится ни одна фундаментальная философская теория. Именно поэтому проблема квалиа должна рассматриваться в первую очередь как философская, а не естественно-научная. В биологии и психологии существует проблема определения и объяснения восприятия, но используемое ими понятие восприятия не имеет того феноменологического содержания, которое характерно для философского понятия «квалиа».

Однако специфически философские методы рассуждения сами по себе тоже не проясняют дела. Среди современных философов нет согласия даже в том, какие состояния человеческой психики следует считать обладающими феноменальными свойствами. Например, М. Тай по этому поводу пишет: «В свой собственный список я включил бы следующие вещи: 1) сенсорные восприятия, например то, каково видеть зеленый, слышать громкий звук трубы, пробовать на вкус лакрицу, нюхать морской воздух, ощупывать кусок меха; 2) телесные ощущения, например переживание приступа боли, зуда, голода, рези в животе, ощущение горячего, ощущение головокружения...; 3) самочувствия, страсти или эмоции, например переживание восторга, сексуального влечения, страха, любви, горя, ревности, сожаления; 4) настроения, например чувство приподнятости, депрессии, покоя, скуки, напряжения, тоски» [9]. Фактически, это полный список состояний, за которыми философы более или менее единодушно признают качественный характер. Иногда этот список дополняют другими состояниями, например состоянием понимания некоторого высказывания, состоянием «озарения» (внезапно пришедшей в голову мысли), состоянием воспоминания о чем-то и т.д. [10]. Но коль скоро аргументировать такое решение на данном этапе можно опять-таки лишь интроспективными суждениями, в рамках нашей статьи представляется целесообразным ограничиться его минимальным вариантом.

Вообще говоря, всю историю философии сознания можно трактовать как осмысление причин и последствий объяснительного разрыва. Были изобретены способы если не преодолеть его, то примириться с ним с помощью некоторых допущений. Так, Дж. Серл считает пропасть между субъективным и объективным действительно непреодолимой, но при этом не признает ее препятствием для того, чтобы изучать переживания

и ощущения с истинно физикалистских позиций [11]. Несколько отличается точка зрения Т. Нагеля, согласно которой объяснительный разрыв существует и действительно является проблемой, но все же можно надеяться, что эта проблема однажды станет разрешимой – когда у нас появятся теоретические понятия, способные свести воедино перспективы «от первого лица» и «от третьего лица» [12]. Однако в целом традиции философии не располагают к тому, чтобы просто постулировать утверждение, которое не удастся доказать, и мало кого удовлетворяет доказательство, отложенное на неопределенно далекое будущее. Поэтому некоторые авторы полагают, что наличие разрыва в объяснении означает его наличие и в мире, т.е. физическое описание мира неполно не только эпистемологически, но и онтологически [13]. В дискуссии о квалиа сторонники этой точки зрения занимают антиредукционистский полюс.

На противоположном полюсе кроме физикализма серьезный вес имеет еще одна философская доктрина, тесно связанная с наукой и активно использующая в аргументации конкретно-научное знание. Эта доктрина – функционализм. В упомянутой выше статье из Стэнфордской энциклопедии философии функционализм определяется как «взгляд, согласно которому индивидуальные квалиа имеют функциональную природу и феноменальные характеристики состояния психики (в частности, боль) являются не чем иным, как его свойством играть такую-то каузальную или телеофункциональную роль в установлении связи между физическими входом (повреждением тела) и выходом (избегающим поведением). С этой точки зрения, квалиа допускают множественную физическую реализацию. Внутренние состояния, которые физически очень различаются, могут, тем не менее, переживаться одинаково. Не субстрат определяет то, каково это (*what it is like*), а именно функциональная роль» [14].

Строго говоря, функционализм как направление в философии сознания и психологии (есть и другие значения термина «функционализм») довольно разнороден, и не всякая критика одинаково справедлива по отношению к любой из его версий. Но наиболее последовательной, при этом наиболее эффективной и амбициозной, на наш взгляд, является ранняя версия функционализма, которую иногда называют компьютерной из-за частого использования ее приверженцами метафор и примеров из области вычислительной техники. Приведенное стэнфордское определение относится именно к ней. Ниже мы подробно рассмотрим причины, по которым компьютерный функционализм отвергает аргумент знания, и попытаемся выяснить, действительно ли между двумя состояниями

невозможно установить феноменальные различия, если и только если между ними нет различий функциональных.

Функционализм как теория имитации

Функционалистский ответ на аргумент знания изложен Д. Деннетом в виде модификации мысленного эксперимента Джексона [15]. Основное отличие «Комнаты Мэри» в версии Деннета состоит в том, что эксперимент проводится не с человеком, а с интеллектуальным роботом. Зрительная система РобоМэри аналогична системам других роботов той же технологической платформы (какой именно – в данном случае не играет роли, но у Деннета это Mark 19), за одним исключением: вместо цветных видеокамер она оснащена черно-белыми и только поэтому не различает цвета. Однако мощный интеллект позволяет ей узнать все, что возможно, о входных данных, внутренних состояниях, поведении других роботов, когда они видят нечто красное. Итак, может ли РобоМэри знать, например, каково видеть красный томат, до того как конструкторы усовершенствуют ее зрение?

Деннет начинал с относительно мягких условий эксперимента – с открытого программного кода, позволяющего РобоМэри создать действующую симуляцию цветового зрения. Как он пишет, на него сразу обрушились обвинения в «жульничестве». Ведь человек не может перепрограммировать себя, значит, нельзя допускать этого и для робота. Но даже в условиях закрытого кода, как утверждает Деннет, РобоМэри способна на основе имеющихся знаний вывести все реакции, которые она продемонстрировала бы, если бы в действительности увидела нечто красное. (С функционалистской точки зрения, если можно говорить о каком-то знании собственных квалиа, то только о знании их как соотношения сенсорных данных и реакций [16].) Для этого ей нужно создать внутри самой себя (для определенности можно считать, что на встроеном жестком диске) собственную функциональную модель, заменив в ней функции камер на стандартные для роботов ее типа. Тогда останутся лишь ввести данные, соответствующие визуальным стимулам, получаемым, например, от красного томата, и изучить итоговое состояние регистров памяти модели. Если теперь РобоМэри запишет полученные значения в собственные регистры памяти, то ее состояние будет таким же, «как если бы» она действительно увидела красный томат. Следовательно, когда ей наконец заменят камеры, она не узнает ровным счетом ничего нового о красном цвете.

Нужно признать, что мысленный эксперимент Деннета выглядит достаточно стройным, но его автору так и не удалось окончательно убедить даже благосклонно настроенных критиков. Например, М. Битон в своей вполне функционалистской по духу статье, являющейся ответом Деннету, полагает, что жульничество эксперимента не устраняется окончательно в его «закрытой» версии, и в поисках более строгой формы измышляет еще одного робота, которому «не повезло» с видекамерами (конечно же, по имени РобоДеннет) [17]. Общий тезис Битона состоит в том, что функциональный изоморфизм, вопреки распространенному мнению, является весьма сильным отношением двух систем и может задавать не только их функционирование как целого (в качестве «черных ящиков»), но и некоторые внутрисистемные функциональные отношения, т.е. *архитектуру* в техническом смысле этого термина.

В частности, на последнем этапе эксперимента РобоМэри должна «перевести» полученное знание в собственные функциональные состояния, однако из заданных условий совсем не очевидно, что она сможет это сделать. Если воспользоваться компьютерной метафорой, то ей нужно будет задать функцию дифференцированной обработки цвета в виде дополнительного к ее собственной программе модуля и установить его на тот же носитель. Но свойства носителя могут просто не допускать такого усложнения, да и способность к саморегуляции столь высокого уровня – необоснованное допущение. Например, люди, при всех сложности и гибкости их поведения, способны произвольно реорганизовать совсем не многие из своих когнитивных процессов, и то лишь косвенно – путем обучения. Иными словами, результат эксперимента с РобоМэри будет надежным, по мнению Битона, только в том случае, если на характер взаимодействия между ее зрительной и вербально-логической системами, чем бы они ни являлись, наложить дополнительное условие. Так, у человека для способности видеть красное существенно в первую очередь отсутствие отклонений в физиологии цветового зрения. Феномен слепого зрения [18] показывает, что зрительная система может нормально работать в автономном режиме, без «подстройки» со стороны высших отделов мозга, но обратное неверно. Мозгу для того, чтобы «увидеть» красный томат, требуется соединение с глазом или чем-то функционально эквивалентным глазу [19].

Кажется, что силу доводов Битона трудно оценить, не обладая специальными знаниями, однако сам автор дает наглядный пример того, как это работает на практике. В обсуждаемой статье читателю предлагается представить, что он узнал абсолютно все о работе микрокалькулятора –

не на уровне элементарных частиц, а на уровне архитектуры и функций устройства. Далее следует такое рассуждение: «Правдоподобно ли, что как только вы узнали все это, вы получили возможность обходиться без микрокалькулятора? Конечно же, нет, поскольку вам слишком свойственно все человеческое. Если бы вы попытались действовать так же, как калькулятор, то ошибались бы иногда, и даже будучи очень аккуратны и получая все-таки правильные ответы, вы действовали бы намного медленнее калькулятора» [20]. Следовательно, если РобоМэри будет имитировать поведение своей модели, между их реакциями на цвета будет по крайней мере разница во времени, поскольку в одном случае будет работать «сознание», а в другом – лишь низкоуровневые процессы.

В действительности отличий будет, вероятно, больше, поскольку некоторые реакции лишь косвенно связаны со способностью различать цвет. Здесь можно вспомнить, например, что восприятие человеком объекта, окрашенного в несколько ярких, дополнительных друг к другу цветов, часто описывают с помощью выражения «глазам больно». Кажется, что это описание не является чистой метафорой. Так, при виде кого-то одетого в оранжевую майку, пурпурные штаны и ядовито-зеленую куртку действительно трудно не отвести взгляд. Еще один очевидный пример – явление неспецифической синестезии, при котором наблюдается переживание интермодального сходства или идентичности, но не возникает реального соощущения или вторичного ощущения другой модальности (синестезии в узком смысле слова). Как показывают исследования, это явление знакомо до некоторой степени большинству людей [21].

Из сказанного выше можно сделать вывод, что Деннет отвергает аргумент знания на основании двух утверждений: 1) РобоМэри может стать неотличимой для внешнего наблюдателя от робота, видевшего красный томат с помощью цветных камер; 2) РобоМэри может стать неотличимой от робота, видевшего красный томат, для себя самой.

Битон показывает, что необоснованно первое из этих утверждений, но следуя за функционалистами, в том случае, если первое из них истинно, он считает истинным и второе. Однако, на наш взгляд, самые серьезные возражения вызывает именно второе утверждение. В сущности, оно означает, что принимается следующая скрытая посылка: *РобоМэри знает, что ее знание устройства роботов полно*. Иначе как она будет уверена, что учла все свойства, релевантные в данном случае? А если у нее не будет этой уверенности, тогда, получив в итоге свое цветовое зрение, РобоМэри узнает по крайней мере одну новую вещь: насколько точны были ее предсказания.

Замена человека в эксперименте роботом осуществляется как будто именно затем, чтобы сделать указанную посылку правдоподобнее. Ведь мы считаем себя существами, чье поведение зачастую иррационально, подвержено воздействию случайных факторов или, по самым смелым заявлениям, вовсе непредсказуемо. Нам кое-что известно о собственном «хардвере», но «софтвер» даже наименее интеллектуального из нас остается тайной за семью печатями. В последние годы в нейрофизиологии совершается одно открытие за другим, однако до сих пор у ученых нет единого мнения о том, что считать минимальным логическим элементом мозга и в скольких различных состояниях он может находиться (иначе говоря, сколько значений истинности в логике, с помощью которой моделируется работа мозга). С роботом же обратная ситуация: для предсказания поведения его как искусственного устройства о «хардвере» нужно знать только то, что его состояния однозначно соответствуют значениям заданных логических функций. Заранее определено, как нужно производить и эксплуатировать устройство, чтобы это условие выполнялось. Как правило, в программу включают также процедуры проверки корректности работы «хардвера». Конечно, на неисправном оборудовании сами эти процедуры тоже могут работать некорректно, но скорее они просто не будут работать. Короче говоря, хороший робот функционирует только в узком диапазоне внутренних и внешних условий, и это позволяет считать, что программа является его точной моделью. Кажется естественным предположить, что он и сам полагает так, коль скоро занялся самоанализом.

Но это предположение необоснованно и, при детальном рассмотрении, не очень правдоподобно. По крайней мере, устройство такого интеллектуального робота, каким видится РобоМэри, может быть сколь угодно сложным и так же неочевидным для нее самой, как наше устройство для нас. Ведь высокий интеллект предполагает способность решать задачи с неопределенным набором параметров, что требует работы в широком диапазоне условий с разнородными входными данными, самостоятельного извлечения из них информации нужного вида, а также выдвижения и оценки гипотез на основе этой информации. Может оказаться, что алгоритмы для таких функций вообще непредставимы в линейном виде [22], но если и представимы, то закрытый программный код означает, что знание о них не имеется у робота в готовом виде. Знание же о состояниях, в которых он находится при таких-то и таких-то условиях, дает лишь индуктивный вывод о каузальных связях между этими состояниями. Даже при неограниченной способности роботов к рефлексии

и обмену информацией само их количество конечно, а значит, все возможные сочетания условий никогда не будут изучены. Любая модель имеет предел точности, и РобоМэри должно быть известно об этом. По условию, фактическое поведение системы всегда правильно предсказывается моделью, но это утверждение недоказуемо, а значит, у РобоМэри нет оснований считать его истинным.

Предыдущим соображениям можно придать бульшую интуитивную убедительность с помощью традиционных психологических понятий. Так, применительно к людям не слишком большим упрощением было бы считать, что в отсутствие специфических состояний зрительной коры вообще неверно говорить о *видении* (зрительном восприятии) чего-то красного. Переживания, субъективно похожие на зрительные восприятия, но возникающие непосредственно «в голове» без участия рецепторов и сенсорной коры, психологи обычно называют *представлениями* [23]. Считается, что представления имеют значительное структурное сходство с восприятиями: «Физиологической основой представлений является оживление в коре больших полушарий «следов» возбуждений, которые образовались при восприятии предметов или явлений» [24]. Однако функционально это два различных типа состояний, в первую очередь потому, что можно иметь представление произвольного содержания. Например, в познавательных целях я иногда пытаюсь представить нечто принципиально новое, непохожее на весь предыдущий визуальный опыт и имеющее глубоко абстрактное описание, вроде четырехмерного куба. Правда, в этом случае трудно сказать с уверенностью, вижу ли я «внутренним взором» хоть что-то и если вижу, то каково оно для меня.

По-видимому, Деннет предполагает, что РобоМэри обладает неизмеримо большей способностью к визуализации, чем я, и однажды сможет абсолютно точно представить красный томат. Такое представление логично считать знанием того, каково *было бы* видеть данный объект, если бы он присутствовал в зоне обзора при определенных условиях восприятия – внешних (нормальное освещение и т.д.) и внутренних (фокусировка внимания, нормальное состояние сознания, нормальное зрение). Но *фактически* эти условия никогда не соблюдались, о чем РобоМэри помнит. Реагируя на томат как на красный, она как бы играет хорошо известную роль, хотя знает, что может этого и не делать. Восприятие субъективно отличается от представления именно тем, что не имеет этой произвольности и пластичности. Попробуйте воспринимать зубную боль как щекотку или вовсе не воспринимать ее, и вы поймете, что

здесь имеется в виду. Прибегнув к метафоре, можно сказать, что если восприятие является ключом от некоторого замка, то представление – лишь слепок ключа, который открывал бы замок, если бы был сделан из металла, а не из воска.

Субъективное знание в объективной реальности

Следует специально объяснить, почему в наше рассуждение оказались вовлечены понятия «восприятие» и «представление». Может показаться, что в психологии словоупотребление до сих пор следует не столько каким-то метатеоретическим концепциям, сколько традиции, сложившейся в «народной» психологии. Если все так и есть, тогда мы не имеем никаких оснований считать, что субъекты одинаково определяют для себя восприятия и представления и вдобавок эти определения соответствуют каким-то их объективно наблюдаемым состояниям. Приходится признать, что отчасти эта критика попадает в цель. Хотя в последние годы теоретическая психология находится под влиянием естественно-научного подхода и стремится, насколько возможно, к объективистским определениям своих основных понятий, сами эти понятия унаследованы от «народной» психологии и носят сильный отпечаток характерного для нее наивного субъективизма. И все же, на наш взгляд, если что-то из этих традиционных понятий заслуживает доверия, то это именно дистинкция между восприятием как чем-то, что не полностью поддается осознанию, а тем более, произвольному контролю, и представлением как результатом моделирующей деятельности сознания.

Сами функционалисты устраняют значение этой дистинкции, заявляя, что в действительности в человеке нет ничего такого, что можно было бы назвать сознательным агентом, истинным выразителем мнения субъекта среди противоречивых и по сути автоматических процессов, составляющих «остальную» психику. Способность принимать за истину такое – явно контринтуитивное – утверждение только потому, что оно вполне научно и значительно облегчает построение теории, заслуживает восхищения. Тем не менее, устраняя сознание из онтологии, функционалист оставляет без ответа вопрос, почему в человеческих языках есть различения субъекта и объекта, намерения и события (ср. «слушать» и «слышать»), феноменального и объективного свойств. Аналогично, устраняя интроспекцию из эпистемологии, он игнорирует тот факт, что люди в массе своей твердо убеждены, что они обладают субъектностью, знанием о некоторых из состояний собственной психики, способностью

произвольно размышлять о чем-то, выносить суждения, принимать решения и прилагать усилия для их осуществления.

Что касается представлений человека о самом себе, то более перспективным видится подход, называемый эволюционной эпистемологией. Напомним, что в рамках этого подхода, берущего начало в работах К. Лоренца, Д. Кэмпбелла, Г. Фоллмера и др., материальная структура носителя знания (человека или животного) осмысливается как форма представления самого знания. Материально представленное знание передается генетически (врожденное знание) или в процессе культурного взаимодействия (приобретенное знание), в том и другом случае подвергаясь действию естественного отбора. В результате те «теории» [25], которые не отражают ключевых характеристик экологической среды данного вида, обречены кануть в Лету именно потому, что они не позволяют адаптироваться в этой среде.

С позиции эволюционной эпистемологии кажется вполне закономерным, что «принудительный» модус восприятия хорошо распознается именно у тех состояний системы, которые являются для нее наиболее экологически значимыми и требуют вполне определенных реакций. Конечно, чересчур оптимистичным было бы считать, что психология может полностью доверять субъективным суждениям, поскольку «эволюция не может лгать». Тот факт, что люди зачастую очень противоречиво и неопределенно судят о явлениях собственной психики, общеизвестен и не вызывает сомнений. И все же коль скоро человек наделен способностью к категориальному мышлению, надо полагать по крайней мере, что те из собственных состояний, которые наиболее экологически значимы, он должен был научиться достаточно хорошо распознавать и отличать одно от другого. При этом совершенно не обязательно какое-либо понимание их природы, нужно лишь, чтобы у разных по природе состояний были разные имена [26].

В рамках рассматриваемого подхода квалиа можно было бы определить как *представление знания об экологической среде для системы с конкретной формой физической организации*. Экологическую среду здесь, разумеется, следует описать типологически, как множество типов входной информации, соотнесенных с типами экологических задач, решаемых данной системой. Скажем, вкусовые квалиа разумно было бы считать представлением знания о свойствах среды, приоритетно значимых для решения задачи питания. Объективацией того же знания для человека являются вербальные суждения о вкусе, в которых используются предикаты «сладкий», «горький», «кислый», «соленый» и некоторые

другие [27]. Хотя значительная часть феноменальных свойств, присущих конкретному вкусовому опыту, по общему мнению, вербально невыразимы, как правило, если уж мы знаем, каков феноменально некоторый вкус (например, вкус лакрицы), то можем применить к нему по крайней мере один из перечисленных предикатов (сказать: «Вкус лакрицы – сладкий»). Характерно, что отрицательным предикатом «безвкусный» часто описывается опыт человека, который попробовал на вкус нечто совершенно несъедобное вроде стекла или камня.

Последовательное различение человеком субъективной и объективной реальности может быть объяснено именно с точки зрения эволюционной эпистемологии. Стойкая вера в ценность субъективного опыта и невыразимость его в объективных понятиях закреплена в нас на физическом уровне, поскольку она отвечает задаче сохранить и передать потомкам *индивидуальный набор знаний, представленных в виде свойств организма* – не только генотипа, но и фенотипа, у человека являющего собой результат адаптации в культуре. По-видимому, качественные состояния как способ описания экологической среды для данного организма имеют перед теоретическим способом описания то важное преимущество, что в них «встроен» оценочный механизм, проверенный многими поколениями.

Можно сделать вывод, что найденный подход к проблеме квалиа более перспективен, чем другие редуccionистские подходы, поскольку он позволяет получить определение, физикалистское в своей основе, но несущее важную функциональную информацию, которая заключена в понятии экологической среды.

Примечания

1. В данной статье понятия «феноменальное свойство» и «переживание» употребляются как синонимы специального термина «квале». Понятие «квалиа» (множественное число от «квале») было заимствовано русскоязычной философией из англоязычной, куда его ввел американский философ К.И. Льюис в 1929 г. Наиболее широко оно употребляется в современной философии сознания.

2. О понятии субъективной реальности см., например: *Дубровский Д.И.* Проблема идеального. Субъективная реальность. – М.: Канон+, 2002.

3. См.: *Jackson F.* Epiphenomenal qualia // *The Philosophical Quarterly*. – Blackwell, 1982. – No. 32. – P. 127–136.

4. «Каково это» – калька со словосочетания «what it is like», которым в англоязычных текстах часто обозначаются феноменальные свойства. С некоторых пор бытует в отечественной литературе по данному вопросу.

5. См., например: *Иванов Д.В.* Природа феноменального сознания. – М.: Либроком, 2013. – С. 196–202.

6. См., например: *Нагель Т.* Каково быть летучей мышью? // Глаз разума: Фантазии и размышления о самосознании и о душе / Под ред. Д. Хофштадтера и Д. Деннета. – Самара: Бахрах-М, 2003. – С. 349–359.

7. См.: *Levine J.* Materialism and qualia: the explanatory gap // *Pacific Philosophical Quarterly*. – Blackwell, 1983. – No. 64. – P. 354–361.

8. *Tye M.* Qualia // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2013 Edition) / Ed/ by E.N. Zalta. – URL; <http://plato.stanford.edu/archives/fall2013/entries/qualia/> – Дата обращения 05.02.2014 г.

9. Ibid.

10. См. ссылку на работу Дж. Стросона «Ментальная реальность» (*Strawson G.* Mental Reality) у М. Тая (*Tye M.* Qualia).

11. См.: *Серл Дж.* Открывая сознание заново. – М.: Идея-Пресс, 2002.

12. См.: *Нагель Т.* Каково быть летучей мышью?

13. См.: *Jackson F.* Epiphenomenal qualia; *Chalmers D.* Phenomenal concepts and the explanatory gap // *Phenomenal Concepts and Phenomenal Knowledge: New Essays on Consciousness and Physicalism* / Ed, by T. Alter and W. Walter. – Oxford Univ. Press, 2005. – P. 167–194; *Чалмерс Д.* Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. – М.: Либрок, 2013.

14. *Tye M.* Qualia.

15. *Dennet D.C.* Sweet Dreams: Philosophical Obstacles to a Science of Consciousness. MIT Press, 2005. – P. 122–150.

16. Об этом см.: *Dennet D.C.* Quining qualia // *Consciousness in Contemporary Science*. – Oxford Univ. Press, 1988. – P. 381–414.

17. См.: *Beaton M.* What RoboDennett still doesn't know // *Journal of Consciousness Studies*. – Imprint Academic, 2005. – V. 12, No. 12. – P. 3–25.

18. Специфическая патология, когда пациент утверждает, что не видит ничего в какой-то части визуального поля, и все же способен выполнять некоторые тесты так, как если бы видел предъявленные ему визуальные стимулы. В контексте проблемы квалиа значение факта существования слепозрячих людей еще не полностью осмыслено. Н. Блок, в частности, считал, что это серьезный аргумент в пользу его оригинальной теории двух сознаний, однако не все философы согласны с его интерпретацией данного феномена (см., например: *Иванов Д.В.* Природа феноменального сознания. – С. 114).

19. См.: *Beaton M.* What RoboDennett still doesn't know. – P. 13.

20. Ibid. – P. 18.

21. В ряде работ испытуемых просили выбрать цвета, которые подходят к определенным звукам, или подобрать размеры, которые подходят к определенной высоте звука, и т.д. Сенсорные соответствия, определенные в этих исследованиях, почти идентичны сенсорным сцеплениям, наблюдаемым синестетиками, а это наводит на мысль, что лежащие в основе синестезии механизмы могут быть в действительности широко распространены в популяции (см.: *Синестезия* // Корсини Р., Ауэрбах А. Психологическая энциклопедия. – URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/3/word/sinestezija>. – Дата обращения 05.12.2013 г.

22. Здесь имеется в виду дискуссия о возможности алгоритмизации мышления.

23. В связи с восприятиями и представлениями часто упоминают также галлюцинации, но их философский анализ без внимания к специальным деталям чреват настолько грубыми упрощениями, что в рамках данной статьи кажется разумным вовсе обойти эту тему.

24. *Сидоров П.И., Парняков А.В.* Введение в клиническую психологию: Учебник для студентов медицинских вузов. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – Т. 1. – С. 96.

25. Строго говоря, понятие теории в том смысле, в котором его используют теоретические науки, здесь неприменимо, поэтому слово взято в кавычки. Речь идет в основном

о донаучных или ранних научных представлениях, т.е. о «теориях» мезокосмоса, в терминологии Г. Фоллмера. «Теории» макрокосмоса (движения и взаимодействия небесных тел) и микрокосмоса (движения и взаимодействия элементарных частиц) меньше подвержены действию естественного отбора, так как у нашего вида выживание никогда не зависело от успешных операций с объектами такого большого и такого малого масштаба. (См.: Фоллмер Г. Мезокосмос и объективное познание // Вестник Московского университета. Сер.: Философия. – М., 1994. – № 6. – С. 35–56; 1995. – № 1. – С. 27–47.)

26. Не случайно среди всей путаницы психологических понятий наиболее устойчивыми в употреблении являются те, которые относятся к модальностям восприятия.

27. Например, часто вспоминают пришедшее из восточных культур понятие «умами». *Умами*, согласно представлениям японских психофизиков, – возможный пятый первичный вкус. В вольном переводе с японского это слово означает «пикантный» или «восхитительный» вкус, который ассоциируется со вкусом моноглутамата натрия. (См.: *Психологическая энциклопедия*. – URL: http://enc-dic.com/enc_psy/Umami-28747.html. – Дата обращения 01.03.2014 г.) Иногда говорят также о «вяжущем», «металлическом» и других вкусах.

Дата поступления 17.04.2014

Институт философии и права
СО РАН, г. Новосибирск
abyssian03@gmail.com

Moisseyeva, A.Yu. On the concept of qualia in epistemological context

The paper deals with a search for such a way of epistemological reduction of the concept of qualia which would have no lacks of traditional physicalist and functionalist schemes. The author shows advantages of the evolution-epistemology approach to the discussed problem: it makes possible to treat qualia as presentation of knowledge about ecological environment for a system with a certain form of physical structure.

Keywords: qualia, epistemology, reduction, subjective knowledge, evolution